

УДК 94(38).01; 94(397)

## ДИОМЕД ФРАКИЙСКИЙ, ДИОМЕД АРГОССКИЙ И ПОХОД ГЕРАКЛА ВО ФРАКИЮ

© 2020 г.

*А.Р. Подопригора*

Независимый исследователь, Уфа

podoprigora05@mail.ru

*Поступила в редакцию 30.06.2020*

Статья посвящена проблеме формирования и эволюции образа Диомеда в греческой мифологии. Анализ античной традиции показывает, что образы Диомеда Фракийского и Диомеда Аргосского имели общий корень. Автор приходит к выводу, что фракийский царь и аргосский герой являются разными вариантами развития культовой фигуры, которая некогда была связана с северо-востоком Балканского полуострова и культом коня, а миф о походе Геракла во Фракию отражает реалии эпохи греческой колонизации фракийского побережья.

*Ключевые слова:* Диомед, Геракл, культ коня, Фракия, Аргос, Кипр, «народы моря», Апулия, вены, давны.

Фракийский поход Геракла упоминается античной традицией как восьмой из двенадцати канонических подвигов героя (Apollod. II. 5. 8; Diod. Sic. IV. 15. 3–4; Hyg. Fab. 30). В отличие от первых шести свершений, не выходящих за пределы Пелопоннеса, вторая половина Дедекатлона представлена путешествиями в далекие, порой и вовсе сказочные края. На фоне странствий за стадами Гериона или яблоками Гесперид Фракия выглядит пусть и заморской, но четко локализованной и хорошо знакомой эллинам целью. Еще до Великой греческой колонизации эвбейцы обосновались на полуострове Халкидика. С VII в. до н.э. осваивается побережье вплоть до устья реки Стримон и далее на восток [1, р. 36]. В середине VII в. до н.э. появляются г. Абдеры [2, р. 91; 3, р. 299], основателем которого традиция называет Геракла. Предполагается еще микенское присутствие в этом регионе [2, р. 99]. Словом, фракийская земля уже в период архаики не была для греков terra incognita, и персонажи, связанные с Фракией, начали активно проникать в греческую традицию.

В дошедших до нас источниках впервые о фракийской экспедиции Геракла упоминает Пиндар [4, р. 171; 5, р. 9]. Из драматургов этот подвиг хорошо знаком Еврипиду (Her. 380–389; Alcest. 480–489). Мифографы, пересказывая сюжет, сдобривали его эвгемеристической трактовкой. По версии Палефата, кони не ели человеческое мясо, они «людоедски» дорого обходились их владельцу (De incred. 7). Гераклит считал, что они были очень дикими, отчего и были прозваны людоедами (Heraclit. De incred. 31). По Аполлодору, Диомед – сын Ареса и Кирены, царь фракийского племени бистонов, кобылицы которого питались человеческим мя-

сом. Приплыв во Фракию, Геракл одолел охранявших стойла и погнался кобылиц к морю. Пока герой отбивался от бистонов, лошади растерзали оставленного на страже спутника Геракла, Абдера, сына Гермеса. Убив Диомеда, герой основал город Абдеры у могилы Абдера, а лошадей пригнал к Эврисфею. Впоследствии они были растерзаны дикими зверями на горе Олимп (Apollod. II. 5. 8). Диодор добавляет, что Диомед был скормлен своим же коням Гераклом, а потомство коней просуществовало до времен Александра Македонского (IV. 15. 3–4).

Греческой традиции был известен и другой Диомед, сын Тидея, царь Аргоса, который был одной из ярчайших фигур в гомеровском эпосе и в последующей традиции был гораздо более популярен, чем его тезка-фракиец. Гомеровский Диомед вместе с Одиссеем совершал самые отчаянные вылазки и доблестью уступал разве что Ахиллу. Совпадение имен героев из разных мифологических сюжетов само по себе еще не говорит о связи этих образов. Тем не менее, если у двух фигур налицо общие черты, исследователь может реконструировать путь разделения единого исходного образа на два самостоятельных персонажа<sup>1</sup>. Можно ли проследить такую эволюцию на примере образа Диомеда – основной вопрос, на который хотелось бы ответить в нашей статье.

Сходство двух образов привлекало внимание исследователей еще в XIX в. Оно либо считалось внешним, не связанным с общим происхождением [7, S. 28], либо объяснялось переносом мифа из Аргоса или Беотии во Фракию [8, S. 138; 9, S. 303].

В XX в. сюжет мифа использовался как материал для аргументации собственных концеп-

ций. У Дж. Фонтенроуза фракийский Диомед является дублетом Гериона, хозяина стада коров, которых также должен был раздобыть Алкид [10, р. 99–100, 345; 11, р. 130]. В трудах В. Буркерта поход за конями Диомеда рассматривается в качестве иллюстрации его видения героя как доолимпийского Хозяина животных [12, р. 94–95]. В работах болгарских ученых большое внимание уделяется присутствию Геракла на фракийской земле: изучаются особенности местного культа героя [13], а также истоки образа Диомеда [5; 14].

В отечественной науке миф о Диомеде рассматривался с точки зрения его экспорта с Пелопоннеса во Фракию [6, 148 сл.], в Италию [15, с. 147] и в контексте анализа «Илиады» [6; 16].

Связь с «конской» символикой – один из самых очевидных доводов в пользу близости двух образов. Диомед, сын Тидея, находясь под стенами Трои, участвовал в нескольких эпизодах, имеющих отношение к лошадям. Предприняв ночную вылазку в стан союзников троянцев, он похищает белых коней фракийского царя Реса и убивает самого Реса (Ном. II. X. 495–499), то же самое происходит со скакунами сыновей Мериопы (Ном. II. XI. 328–334). В обоих случаях кони достаются Диомеду, хотя вместе с ним сражался Одиссей. В сражении Диомед добывает славных коней Энея (Ном. II. V. 295–330), считавшихся потомством жеребцов царя Троса, который за них отдал Зевсу своего сына Ганимеда<sup>2</sup>. Диомед побеждает в состязании колесниц на погребальных играх в честь Патрокла (Ном. II. XXIII. 399–400). Он был одним из героев, которые сидели внутри троянского коня (Нуг. Fab. 108). Тидей, отец Диомеда, именуется конеборцем (ἵππλάτης), то есть возничим колесницы, и смирителем коней (ἵπλόδαμος) (Ном. II. IV. 387; XXIII. 472). Последний эпитет неоднократно используется и по отношению к самому Диомеду (Ном. II. V. 781; VII. 404; VIII. 194; IX. 51). Косвенная связь с культом коня прослеживается в свидетельстве Павсания о том, что Диомед в Трезене построил храм в честь Ипполита, сына Тесея, растерзанного конями (II. 32. 1).

В микенской Греции конь являлся ритуально значимым животным, культ которого был связан с женским божеством, именуемым Хозяйкой коней [18, с. 550]. Из олимпийских богинь на эту роль прежде всего претендует Афина, почитавшаяся как Афина Конная, в битве с гигантами сражавшаяся на колеснице (Paus. I. 30. 4; V. 15. 4; VIII. 47. 1; Pind. Ol. XIII. 92). Богиня считалась создательницей боевой колесницы и узды и, следовательно, укротительницей лошадей, кони изображались на ее щите [19, с. 277–278, 279]. С ее помощью был сооружен троян-

ский конь (Ном. Od. VIII. 493). Она была возницей Диомеда во время его битвы с Аресом (Ном. II. V. 835–841). Однако Афина не обладала монополией на преемство функций Хозяйки коней, подобные эпитеты имелись и у других богинь: Гера Конная (Paus. V. 15. 4), Артемиды Гевригиппа (Paus. VIII. 14. 4). Деметра почиталась в виде богини с головой лошади (Paus. VIII. 42. 3).

Особый статус лошади проявляется в том, что мифы часто доносят до нас имена коней героев и их генеалогию. Так, коней Диомеда звали Podargus, Lampon, Xanthus и Dinus (Нуг. Fab. 30). Имена вполне обычные, за исключением разве что последнего не раз встречающиеся в источниках как лошадиные клички [20, с. 69]. Имя Ксанф созвучно названию фракийского племени ксанфиев («рыжих»), обитавшего у оз. Бистон [21, с. 204], но это сходство вполне может оказаться случайным.

Отношение к лошадям в классической Греции было неоднозначным. Коней ценили, но одновременно то ли недолюбливали, то ли опасались. Гигин дает целый список возниц, погибших из-за своих упряжек (Нуг. Fab. 250). Фракийца Ликурга, Анфа, сына Автоноя, Лимону, дочь Аталанты, и Главка из Потний растерзали кони (Apollod. III. 5. 1; Ant. Lib. 7; Ovid. Ibis. 459–460; Нуг. Fab. 273). Последнего на этой почве даже сближают с Диомедом [9, S. 303; 11, р. 129]. Вероятно, лошади использовались как орудия казни: Геракл, победив Пирехма, царя эвбейцев, привязал его к жеребцам, и те разорвали его надвое (Plut. Par. Min. 7). Потомству коней Диомеда приписывался злой рок, которому был уготован их хозяин. Кони римлянина Гнея Сея считались потомками коней Диомеда. Их хозяин был казнен во время проскрипций Марка Антония, Эмилия Лепида и Октавиана в 43 г. до н.э. Схожая участь ожидала трех следующих владельцев, включая самого Марка Антония, что послужило основой для пословицы о «человеке, имеющем коня Сея», то есть злополучном человеке (Gell. NA. III. 9. 2–6).

Бог подземного царства Аид именовался «славным конями» – κλυτόπλοος (Ном. II. V. 655). Похищая Персефону, дочь Деметры, он явился на колеснице, запряженной четверкой лошадей (Нуг. Fab. 146). Лошади, сопровождающие хозяина в загробный мир, приносимые в жертву на тризне, известны и из эпоса (Ном. II. XXIII. 171–172), и по данным микенской археологии, в том числе из Арголиты [20, с. 69].

Посейдон также почитался в облике коня с эпитетами Гиппий, Гиппокурий и, по догадке Павсания, Тараксипп (Paus. I. 30. 4; III. 14. 2; V. 15. 4; VI. 20. 8; VII. 21. 3; VIII. 7. 2, 10. 2, 14. 4,

37. 7). В Тельпусе в Аркадии считали, что Посейдон в образе коня соединился с принявшей облик кобылы Деметрой, и у них родились Персефона и наделенный человеческой речью и даром предсказания конь Арион. Геракл на время позаимствовал этого коня, когда воевал с элейцами, и во многом благодаря ему победил (Paus. VIII. 25. 10).

Итак, и морская пучина, и царство мертвых связаны с культом лошади, а конь зачастую фигурировал как психопомп, и шире – как посредник между миром людей и миром богов, небесных и подземных. Подтверждением такой ритуальной роли служат изображения на керамике из Сиракуз и этрусских геммах коней Диомеда с крыльями [4, p. 172], что в италийско-этрuscoм ареале было признаком причастности к Иному миру.

Кони присутствуют в окружении фракийца Ареса (Soph. Antig. 970). Бог войны почитался с эпитетом Гиппий (Paus. V. 15. 4). Четверка его коней, носящих имена Пламя (Αἴθων), Шум (Κόναβος), Ужас (Φόβος), Блеск (Φλόγεος), числилась потомством еще одного уроженца Фракии, Борея, бога северного ветра (Quint. Smyrn. VIII. 239). Гомер называет Ареса «златоуздным» (χρυσήνιος) (Od. VIII. 285). Колесница, влекомая конями, является важным атрибутом бога (Hom. II. V. 356–369; XV. 119–120; Hes. Her. Scut. 191–197; 463–466; Hom. Hymn. VIII. 1, 6–7; Ovid. Met. XIV. 819–820; Verg. Aen. VIII. 433–434; Nonn. Dion. XXIX. 360–368). Обладание четверкой коней, фракийское происхождение, родство – все эти характеристики сближают Ареса и Диомеда Фракийского, свидетельствуя в пользу изначального сходства этих фигур.

Вернемся к Диомеду Аргосскому. Династия, к которой по мужской линии принадлежал герой, связана с Этолией и, прежде всего, с Калидоном (Apollod. I. 7. 5–8. 4). В Аргосе появляется лишь его отец Тидей, сын Ойнея, бежав из родного города из-за обвинения в убийстве. Здесь он женится на Деипиле, дочери царя Адраста, здесь же рождается Диомед. После смерти отца Диомед восстанавливает власть династии в Калидоне, но сам на родине отца не остается, а возвращается в Аргос и женится на другой дочери Адраста, Эгиалеи или на дочери Эгиалея, сына Адраста (Apollod. I. 9. 5; Paus. II. 25. 2; Hug. Fab. 69, 175). Таким образом, традиция привязывает героя к Аргосу двойными женскими узами – через мать и через жену, и само аргосское царство достается ему по материнской линии.

Диомед участвует в успешном походе эпигонов против Фив, организованном сыновьями участников первой кампании (Apollod. III. 7. 2; Paus. II. 20. 5, X. 10. 4; Diod. Sic. IV. 66; Strabo.

VII. 7. 7, X. 2. 25), упоминается среди прочих женихов Елены Спартанской (Apollod. III. 10. 8; Hug. Fab. 81) и далее втягивается в троянский поход.

Остальные сведения традиции – это данные о культах, основанных Диомедом или имеющих к нему отношение. Так, ему приписывается основание храма Афины Оксидеркис в Арголиде, Афины Пронойи в аттических Прасиях [22, 299] и храма Афины Анемотиды в мессенской Мофоне (Paus. II. 24. 2; IV. 35. 8), а также храма в Трезене, посвященного Ипполиту, и храма Аполлона Эпибатерия в том же городе (Paus. II. 32. 1–2). Особые культовые отношения, связывающие Афины и Диомеда, подтверждает Каллимах, упоминая о ежегодном купании щита Диомеда и изображения Афины аргосскими женщинами в Инахе (Callim. V. 35–37). Так, данные эпоса о расположении Афины к герою согласуются со свидетельствами остальной традиции о культовой близости этих фигур. Далеко не все указывает на Арголиду как основной регион, в котором складывался этот тандем. Анализ генеалогического материала позволяет сделать вывод о том, что Диомед был инкорпорирован в Аргосскую династию, и, следовательно, ритуальная связь Диомеда и Афины не уникальна для Аргоса.

Взаимодействие двух образов ярче всего раскрывается в «Илиаде». Афина всячески покровительствует Диомеду: дает ему смелость и силу, его доспеху – блеск, осеняет его голову пламенем (Hom. II. V. 1–8), помогает ему в битве в ответ на его молитву и разрешает сразиться с Афродитой и Аресом (V. 114–132, 825–834), направляет его копье в поединке с Пандаром (V. 290), дает ему доброе знамение и помогает в ночной вылазке в стан фракийцев, за что ей совершается возлияние вином (X. 274–275, 283–295, 482, 578–579), помогает выиграть состязание колесниц (XXIII. 388–400). После допроса Долона Диомед обезглавливает пленника, а Одиссей приносит его кожаный доспех и оружие в жертву Афине (Hom. II. X. 454–464), по сути, это завуалированная жертва в виде самого пленника. Диомед вместе с Одиссеем участвует в похищении из Трои палладия (Apollod. Epit. V. 13), священного изображения Афины, дающего городу неприкосновенность.

Диомед присутствует в «Илиаде» как предводитель аргосцев, но выявленная взаимосвязь двух образов не обязательно аргосского происхождения. Культовый тандем Афины и Диомеда мог быть отражением покровительства микенской Афины Потнии богу или герою коннику, позже соотнесенному с сыном Тидея, и сложиться в любом месте микенской Греции. Тем

более что есть свидетельство совместного почитания Диомеда и Афины в еще одном регионе – на Кипре.

По свидетельству Порфирия, в кипрском Саламине в месяце Афродизион приносились человеческие жертвы Агравлос, дочери Кекропа и Агравлиды. Обычай дожил до времен Диомеда, с тех пор он изменился, и жертвы стали приноситься Диомеду. Святилище Диомеда и Агравлос и храм Афины находились на одном участке. Человек, ведомый эфебами, трижды обводился вокруг алтаря. Затем жрец ударял жертву копьем в рот, и труп сжигался (Porph. De abstin. II. 54; Euseb. Praep. evang. IV. 16) [23, p. 123].

Способ жертвоприношения приводит на память поединок Диомеда с Пандаром в «Илиаде», где последний убит именно таким образом (Hom. II. V. 290-297), и подобный же удар Гектора, сразивший Керана (Hom. II. XVII. 617-618). Ударом копья в лоб Диомед убивает Пирехма, царя фракийского племени пеонов (Dict. III. 4). Весьма вероятно, что существовал ритуал такого рода, и упоминания о нем были органично вплетены в текст «Илиады» [6, с. 320].

Каким же образом культ Диомеда попал на Кипр? Очевидно, это проникновение стало результатом одной из миграционных волн, которые не раз захлестывали остров<sup>3</sup>. Проще всего предположить, что все три культовые фигуры попали на Кипр из Аттики вместе с колонистами [6, с. 321]. Тем более что Агравлос (Аглаврос) в Аттике тесно связана с Афиной (Paus. I. 18. 2, 38. 3). Однако Порфирий говорит, что почитание Диомеда и Агравлос не было синхронным, да и Диомед имел к Аттике довольно слабое отношение. Видимо, оба эти культа обрели связь через Афины, в одном теменосе со святилищем которой они отправлялись. Стоит учесть и возможность того, что исходный культ Аглаврос мог серьезно отличаться от позднего варианта. Гелланик называет ее супругой Ареса (FHG. Hell. frg. 69). Изначальный же Диомед, вероятно, был фигурой гораздо более близкой к Аресу, чем классический образ героя.

Согласно традиции, Саламин был основан Тевкром, сыном Теламона (Strabo. XIV. 6. 3; Paus. I. 3. 2; II. 29. 4; VIII. 15. 2). Паросская хроника относит это событие к 1201/1200 г. до н.э. (Marm. Par. 26). По Лактанцию, именно Тевкр ввел на острове человеческие жертвоприношения (Inst. I. 21. 1). Традиция уверенно соотносит героя с этим регионом. На побережье Малой Азии близ Кипра было «владение Тевкра», где жрецы носили имя героя, на самом Кипре до IV в. до н.э. правили Тевкриды (Strabo. XIV. 5. 10, 6. 3). По Афинию, Тевкр заселил остров пленными троянцами (VI. 68 (256)), которые впоследствии

звались гергинами и считали себя родственниками троянских гергитов, упомянутых Геродотом как остаток тевкров (V. 122). Сама Троя некогда называлась Тевкридой (Steph. Byz. s.v.), а ее основателем, по одной из версий, был критянин Тевкр (Verg. Aen. III. 104 sq.). Но большая часть тевкров оказывается даже не в Троаде, а в Пеонии, то есть во Фракии (Hdt. V. 13; VII. 20, 75).

Свидетельства античной традиции подтверждаются другими источниками. К первой половине XII в. до н.э. относится упоминание о Саламине на Кипре в египетских архивах Мединет-Абу; археология подтверждает его существование с XI в. [25, p. 67]. В Лапифе (нач. I тыс. до н.э.) и Саламине (VII в.) обнаружены захоронения человеческих останков, интерпретированных как жертвоприношения, а также богатые погребения с лошадьми (рубеж VIII-VII вв. до н.э.). С XII в. наблюдается рост новых городов, сопровождаемый увяданием микенских поселений, появляется керамика, близкая к керамике северо-запада Малой Азии [26, p. 43, 145 sq.; 25, p. 62, 63, 65].

Тевкром античной традиции соотносят с тјkr египетских источников, частью второй волны «народов моря», прокатившейся по Восточному Средиземноморью при Рамзесе III в начале XII в. [26, p. 138, 187]. По дороге в Египет тевкры, пелесет и дануна побывали на Кипре и Крите, в Киликии и Палестине [21, с. 147; 6, с. 202], оставляя на своем пути и генетический, и культурный след. Исходную точку этого движения можно называть лишь гипотетически. Находился ли его исток в оскудевшей после нашествия ахейцев (Троянской войны?) Троаде [21, с. 225] или на севере Балкан [6, с. 202], так или иначе, миграция прошла через земли, заселенные фракийцами, повлияла и на их собственные перемещения и, вероятно, способствовала распространению культа Диомеда в другие регионы<sup>4</sup>. На Кипре мигранты этой волны столкнулись с уже осевшими здесь ахейцами, которые постепенно ассимилировали тех, кто остался на острове [21, с. 49, 152]. В этот момент произошли изменения в местных культах, привнесшие в них Диомеда. Позднее и Тевкра, и Диомеда удалось связать с Аттикой и Арголидой, но связь эта несет отпечаток вторичности.

Послетроянские путешествия Диомеда связаны с Южной Италией, регионом обособленным и от Аргоса, и от Фракии, в связи с чем исследователи задаются вопросом – не идет ли речь о некоем третьем персонаже, отличном от двух, уже известных нам [5, с. 10].

Традиция неоднозначно повествует о возвращении героя из-под Трои. Одни источники

говорят, что плавание было успешным (Apollo-d. Epit. 6. 1) и он, вернувшись в Аргос (Hom. Od. III. 181), основал храм Афины (Paus. II. 24. 2). По другой версии, Диомед, прибыв в родную гавань ночью, высадился как на неприятельскую землю (Paus. I. 28. 9), что считалось дурным знаком. Вскоре Диомед узнал, что супруга Эгиалея не была ему верна, более того, она настроила против него жителей Аргоса, так что те то ли вовсе не пустили царя в свой город (Dict. VI. 2), то ли пустили, но преследовали его до самого алтаря Геры (Schol. Lycophr. Alex. 594 sqq.). Диомед отправляется в Этолию, а затем в Южную Италию, в Апулию (Verg. Aen. XI. 246 sq.; Ant. Lib. 37; Plin. NH. III. 16).

В Италии он помог местному царю Давну победить мессапов, но в обещанной земле ему было отказано. Тогда Диомед в знак того, что все же считает ее своей, установил колонны, которые после его смерти были сброшены в море, но чудом вернулись на свои места (Schol. Lycophr. Alex. 620). По другой версии, землю он все-таки получил, воздвиг на ней Аргириппу, Канусий и Сипунт (Strabo VI. 3. 9) и женился на царской дочери с говорящим именем Эвгиппа (Lycophr. 595 sqq.).

Диомеда связывали не только с давнами. Его почитали умбры (Ps.-Skyl. 16). Кроме упомянутых городов ему приписывалось основание Брундизия, Спины, Ланувия, Беневента, Венузия, Венафрума, Эквуса Тутикуса (Iust. XII. 2; Plin. NH. III. 16; App. BC. II. 20; Serv. Ad Aen. VIII. 9; Procop. Goth. I. 15) [27, p. 16]. Страбон говорит о святилище Диомеда в Тимаве и о традиции генетов (венетов) приносить в жертву Диомеду белых коней. В рощах, посвященных герою, царил настоящий рай земной – бок о бок мирно жили хищники и травоядные (Strabo V. 1. 8-9). Здесь Диомед предстает настоящим Хозяином животных [12, p. 94–95].

Л.С. Ильинская считает, что Страбон под генетами (Γενετοί) подразумевает венетов, этнос, родственник латинам, расселявшийся от северного побережья Адриатики до Лация [15, с. 141; 28, с. 76, 87]. Среди захоронений венетов обнаружен ряд могильников VIII–V вв. до н.э. со скелетами коней. В одном из некрополей найдено 30 конских останков. Надгробные памятники часто несут изображения всадников или воинов на колесницах [15, с. 147; 29, p. 710]. Культ коня у венетов также мог быть связан с Диомедом. Генеты (энеты) изначально обитали в Пафлагонии, были союзниками троянцев, как и фракийцы, и после поражения отравились во Фракию, а затем и в дальнюю часть Адриатики (Strabo. XII. 3. 8, 25; XIII. 1. 53). Им также приписывалось особое искусство

разведения лошадей, которое унаследовавшие его греки высоко ценили (Strabo. V. 1. 4).

Эпиграфика венетов содержит слово «ekupetaris», восходящее к «ekvos» (лошадь), которое трактуется как некий политический или социальный статус. Термин может указывать на существование некой социальной группы, аналогичной римским всадникам [29, p. 710], хотя вполне может означать и просто «колесничий» [18, с. 544].

Сведения традиции и данные археологии говорят в пользу того, что венеты, переселившись на Апеннинский полуостров, принесли с собой культ коня вместе с образом конного бога, позаимствованного в ходе миграции в северо-балканском регионе. Вероятно, они не были единственным этносом, прошедшим по фракийской земле и перенявшим по дороге в Италию местные религиозные традиции<sup>5</sup>, поскольку почитание Диомеда в других частях полуострова имеет достаточно самобытные черты, чтобы считаться независимо (от венетов) сложившимся.

На погребальных памятниках из Северной Апулии, стелах давнов (высотой до 170 см) также присутствуют изображения колесниц с лошадьми [31, p. 343–344], а в погребениях найдены конские удила. Однако гораздо больше на стелах образов птиц [15, с. 145], что заставляет вспомнить не только о колоннах Диомеда, но и о превращении его спутников в птиц (Strabo. VI. 3. 9). Выявленные торговые и культурные связи Апулии IX–VIII вв. до н.э. говорят о том, что север региона (давны) активно взаимодействовал с центральной, северной Адриатикой и с яподами Истрии и Далмации [31, p. 344–345]. Это и понятно, ведь давны – одно из племен япигов, этноса иллирийского происхождения. Их присутствие в Апулии археологически датируется X–V вв. до н.э. Учитывая, что основной ареал расселения иллирийцев – северо-запад Балканского полуострова, можно предположить, что и давны в результате контактов с фракийцами могли воспринять от них культ конного бога и принести его в Южную Италию, где в период греческой колонизации на стыке греческого мифа о Диомеде и традиций давнов могла возникнуть новая культовая фигура.

С другой стороны, Апулия была регионом, который, начиная со среднеэллиадского периода, имел систематические контакты с микенским миром [28, с. 79; 32, p. 51]. К тому же ее положение на юге Адриатики (между Апулией и Албанией около 70 км) способствовало тому, что многие миграционные потоки шли через эти земли и по суше, и по морю [32, p. 42]. К тому же греческая традиция (пусть и тенденциозно) называет Давна сыном аркадянина Ликаона.

Давн вместе с братьями Япигом и Певкетом, собрав войско, отправился в Италию, где вытеснил авзонов с их земель, взяв в союзники иллирийцев мессапов (Ant. Lib. 31). В итоге, нарисованная выше картина формирования мифа представляется лишь одним из возможных вариантов культурного взаимодействия.

Сведения традиции о расположенном напротив Апулии острове Диомеда, на котором спутники героя были превращены в птиц, и мысе Диомеда в Далмации (Plin. NH. III. 26, 30; Strabo. VI. 3. 9) подкрепляют археологические свидетельства его почитания на восточном побережье и островах Адриатики. Считается, что остров Диомеда – это Палагружа, группа небольших островков в центре Адриатического моря [33, р. 63; 34, р. 1; 35, р. 17–18; 36, р. 162], а мыс, посвященный герою, – это мыс Плоча в Хорватии [33, р. 72; 34, р. 118; 37, р. 164]. На Палагруже были найдены граффити с именем Диомеда и часть храмового архитрава римского времени с посвящением герою, что позволило соотнести именно этот архипелаг с островами Диомеда из письменных источников [33, р. 80]. На мысе Плоча было открыто святилище героя и многочисленные осколки керамики с именем Диомеда. Святилище действовало в IV в. до н.э. – I в. н.э. Отдельные орнаментальные элементы, зафиксированные на керамике, похожи на артефакты из земли давнов [37, с. 165, 168, 169].

Таким образом, культ Диомеда на Адриатике возник как сплав почитания конного божества, принесенного мигрантами с севера Балкан, и соотнесенного с ним культа героя, прибывшего в Италию вместе с колонистами из Греции.

Каково же место Геракла и его подвига в этом мифологическом комплексе? Упоминания о походе Геракла во Фракию в нарративных и иконографических источниках встречается не раньше конца VI в. [5, р. 9]. Геракл не связан с культом Диомеда ни на Кипре, ни в Италии. Правда, с Троей, Аргосом и Фракией соотнесены достаточно важные деяния героя, но сын Тидея и Геракл представляют разные поколения в генеалогиях греков, общие сюжеты отсутствуют, и поход за конями Диомеда Фракийского – единственное прямое пересечение с интересующим нас двойственным персонажем. Однако отмечается известная корреляция образов Тидида и Алкида. Они оба вступают в сражения с богами-олимпийцами (Hom. II. V. 330–352, 855–867, 392–397)<sup>6</sup>; оба связаны с Арголидой, Этолией, Беотией. Геракл был женат на Деянире, которая приходилась Диомеду неполнородной тетей. В «Илиаде» упоминания обоих героев с наибольшей частотой приходятся на одни и те же песни. Возможно, на Диомеда были пере-

несены некоторые характеристики Геракла и миф о нем активно «продвигался» царями Аргоса и развивался, используя миф о Геракле как благодатную почву [6, с. 126 и слл.].

Спутник Геракла Абдер, растерзанный конями, не укоренен основательно ни в одном сюжете, ни в одной генеалогии. Традиция называет его то сыном Посейдона (Pind. frg. 52b), то сыном Гермеса (Apollod. II. 5. 8), считает его не только спутником Геракла, но и слугой или рабом Диомеда (Hug. Fab. 30) и даже превращает в сестру Диомеда Абдеру (Pomp. Mela. II. 2. 25), что говорит в пользу вторичности этого образа, производности антропонима от топонима. Город Абдеры, по всей вероятности, носил имя, доставшееся от финикийцев [38, р. 76; 2, р. 75], которые имели и другие фактории с этим названием (Strabo III. 4. 3, 6).

Фракийские свершения Геракла не сводятся к борьбе с Диомедом. После взятия Трои Геракл, причалив к фракийскому берегу, расправился с Полтием и Сарпедоном (Apollod. II. 5. 8; IG. XIV. 1293). После этого в г. Торона в Халкидике герой вызвал на поединок Полигона и Телегона, сыновей Протея, внуков Посейдона, и убил их (Apollod. II. 5. 9). Здесь же в Халкидике, в Палене, происходила борьба олимпийцев с гигантами, в которой участвовал и Геракл (Diod. Sic. IV. 15. 1; Paus. I. 25. 2). Возвращаясь со стадом Гериона и переправляясь через Стримон, Алкид разгневался на реку, набросал в нее скал, и с тех пор она стала несудоходной (Apollod. II. 5. 10). Больба, богиня одноименного фракийского озера, родила от Геракла сына Олинфа (так называлась река, впадающая в озеро) (Athen. Deipnosoph. VIII. 11). Именем своего спутника Перинфа герой назвал город, основанный им на побережье Пропонтиды (впоследствии Гераклея) (Amm. Marc. XXII. 8. 5, XXVII. 4. 12). Немало греческих городов на фракийском берегу тем или иным образом связывали себя с Гераклом и даже чеканили монету с изображением героя или его спутника Абдера [38, р. 78; 14, с. 130, 136; 2, р. 104]. Однако связь эта не имеет глубинных корней в этом регионе: почитание Геракла принесли с собой колонисты [14, с. 131].

Что же остается от мифа о походе Геракла за конями Диомеда за вычетом более поздних элементов? Столкновение двух культур, пришлой и местной, связанной с почитанием коня. Культ коня во Фракии – факт, не вызывающий сомнений [39, с. 11 слл.]. Выше уже говорилось и о конях Реса, и о важности конной колесницы в образе Ареса, что характеризует греческое видение Фракии и ее народов. Археология подтверждает, что во Фракии было широко распро-

странено почитание божества, связанного с конями, – фракийского всадника (Хэроса). Его культ был связан с представлениями о посмертной судьбе и обрядами перехода. По В.Л. Цымбурскому, изначально Хэрос почитался как верховный бог фракийцев, связанный с горами, источниками, дикой первозданной природой. Ко времени создания «Илиады» была актуальна его воинственная ипостась, связанная с культом коня, воплощенная в образе царя Реса, чье имя Ῥῆσος сопрягается с Ἄρης<sup>7</sup> и имеет в своей основе и.-е. \*reg-, указывающее на его властный статус [16, с. 302, 308; 39, с. 12]. В этом контексте ночное убийство Реса Диомедом выглядит как еще одна встреча функционально близких фигур (наряду с поединком Диомеда и Ареса), оказавшихся в данном сюжете по разные стороны «фронта»<sup>8</sup>.

Греческий миф о конях Диомеда как объекте подвига Геракла сложился поздно. Нет свидетельств того, что существовал культ собственно Диомеда во Фракии, нет пластических воплощений этого сюжета [5, р. 18]. Правда, есть упоминания о башне и дворце Диомеда близ оз. Бистонида и о городе Тирида, где находились его конюшни (Pomp. Mela. II. 2. 25; Strabo. VII. frg. 43; Plin. NH. IV. 18 (11)), но и эти объекты, скорее всего, связаны с бытованием уже греческого мифа. Вероятно, в знакомом нам виде миф сформировался лишь после прихода на эти берега колонистов. Однако местные культовые фигуры и мотивы явно были ими использованы. Если пантеон греческих колоний был синкретичен и включал местные божества [2, р. 99], почему бы не допустить того же в отношении мифа? От фракийцев в мифе о Диомеде культ божества, связанного с конями, и, вероятно, ритуал человеческих жертвоприношений, от греков – Геракл, Абдер и связь с Додекатлоном.

Таким образом, две фигуры в греческих мифах, известные под именем Диомед, имели единый корень. Наиболее аргументированным, на наш взгляд, является следующий сценарий распространения культа и эволюции его содержания: с северо-востока Балкан и с северо-запада Малой Азии вместе с миграционными потоками культ конного божества был перенесен на юг Балкан, в частности в Этолию и Арголиду, а также на Кипр и на восточное побережье и острова Адриатики, откуда он проник и на юг Апеннинского полуострова, в Апулию. Направление миграции подтверждается анализом ономастического материала: простые основы встречаются в северобалканском регионе, а производные – на юге Балкан и в Малой Азии [41, с. 165 и сл.]. Вероятно, перенос культа произошел не позднее рубежа XIII–XII вв. до

н.э. и имел прямую связь с перемещениями «народов моря» и событиями, запечатленными в эпосе как Троянская война. В образе Диомеда сохранились черты, свидетельствующие о его почитании как бога, а не как героя, что могло иметь место в период, когда олимпийский пантеон еще не сложился.

На юге Балкан имя этой культовой фигуры было эллинизировано. В разных регионах Средиземноморья культ развивался самостоятельно и далеко ушел от изначального варианта. В Греции олимпийцы оттеснили прежних божеств, низведя их до уровня героев. Такая судьба постигла и Диомеда, который стал внуком Ареса и персонажем гомеровского эпоса, не утратив связи с конями. В период архаики колонизация вдохнула новую жизнь в старый образ. Греческие колонисты смогли связать Диомеда с божеством, почитавшимся в Апулии и на Адриатическом море, и с культом на Кипре. Во Фракии же исходный образ с созвучным именем отличался слишком сильно, чтобы отождествить его с царем Аргоса. В итоге, возникло два героя с именем Диомед: фракийский царь, с которым расправился Геракл, и аргосский герой, живший на поколение позже Геракла, активно участвовавший в Троянской войне и пропагандируемый правителями Аргоса.

#### Примечания

1. Разделение некогда единого образа продемонстрировал Л.С. Клейн на примере Аякса [6, с. 190].
2. Те же кони были предназначены Гераклу, когда тот одолел морское чудовище и освободил Гесиону, но Лаомедонт отказался отдавать коней, и Геракл организовал поход против Трои, который закончился ее взятием (Hom. II. V. 640–642). По М.П. Нильссону, кони и были основной и изначальной целью похода Геракла против Трои [17, р. 198].
3. По В. Буркерту, культ Диомеда на Кипре отражает влияние ближневосточных религиозных практик [24, р. 98–99].
4. Существование фрако-тройянского культурного континуума [21, с. 187 сл., 204] делает еще более вероятным перенесение культа Диомеда на Кипр выходцами из Трояды.
5. Культурные контакты Италии с северо-востоком Балкан подтверждает наличие фракизмов в ономастике этрусков: следы фракийского имени Рес, эпиклезы Хэроса, фракийского всадника [30, с. 73, 75 сл.]. В свете тезиса о тождестве фракийского царя Реса и Хэроса [16, с. 307] факт совместного переноса становится еще одним доказательством знакомства этносов Италии с фракийским культом конного бога и заставляет по-новому взглянуть на истоки образа этрусского коня-психопомпа. Предполагается перенос фрак. \*din- со значением «день», «Грозовой бог», отраженного в этрусском теониме Tin [30, с. 82]. Не исключено, что греч. Διομήδης стало частичной калькой имени фракийского божества.

6. Один из противников Диомеда – Арес, принявший облик фракийца Акаманта (Il. V. 462). При этом аргосскому герою бог войны приходится дедом (Diod. Sic. IV. 35. 1), да и сам он порой уподобляется Аресу, упиваясь боем, переставая различать друзей и врагов (Hom. Il. V. 85-86). Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский считают, что здесь «сталкиваются функционально аналогичные образы, из которых один в рамках данной мифологии трактуется как бог, а другой – в качестве смертного» [21, с. 297].

7. Имя Ἄρης В.Л. Цымбурский трактует как «греческую попытку передать туземное именование Хэроса-конника» [16, с. 308].

8. Исследователи и самого Геракла сближают с Фракийским всадником [13, с. 422, 424], отмечая, что на вотивах римского времени из Фракии герой показан в сопровождении Кербера, что позволяет предположить его ритуальную роль психопомпа. Хэрос также часто изображался в компании пса. Сходство двух фигур усиливает общая функция защитника. В святилище Хэроса найдены рельефы с изображением Геракла, имеются их совместные изображения [40, с. 274].

#### Список сокращения

FHG – Fragmenta historicorum Graecorum / Ed. C. Müller, T. Müller. Parisii: F. Didot, 1841. Vol. 1.

IG – Inscriptiones Graecae, XIV. Inscriptiones Siciliae et Italiae, additis Galliae, Hispaniae, Britanniae, Germaniae inscriptionibus / Ed. G. Kaibel. Berlin, 1890.

JHS – The Journal of Hellenic Studies.

#### Список литературы

- Zahrnt M. Early History of Thrace to the Murder of Kotys I (360 bce) // A companion of Ancient Thrace / Ed. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. Chichester, Oxford: Wiley Blackwell, 2015. P. 35–47.
- Tiverios M. Greek Colonisation of Northern Aegean // Greek Colonisation / Ed. G. Tsetskhladze. Leiden, Boston: Brill, 2008. Vol. II. P. 1–154.
- Damyantov M. The Greek Colonists // A companion of Ancient Thrace / Ed. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. Chichester, Oxford: Wiley Blackwell, 2015. P. 295–307.
- Kurtz D.C. The man-eating horses of Diomedes in poetry and painting // JHS. Vol. 95. 1975. P. 171–172.
- Rabadjiev K. Heracles, Diomedes and Thrace // Archaeologia Bulgarica. 2001. № 3. P. 9–21.
- Клейн Л.С. Анатомия «Илиады». СПб.: СПбГУ, 1998. 560 с.
- Bucherer F. Die Diomedessage. Stuttgart: Kohlhammer, 1892. 82 S.
- Studniczka F. Kyrene, eine altgriechische Göttin. Leipzig: Brockhaus, 1890. 224 S.
- Wilamowitz-Moellendorff U. Einleitung in die attische Tragödie (Euripides Herakles erklärt. Bd. 1). Berlin: Weidmann, 1889. 388 S.
- Fontenrose J. E. Python: A Study of Delphic Myth and Its Origins. New York: Biblio & Tannen Publishers, 1974. 616 p.
- Fontenrose J. Daulis at Delphi // California Studies in Classical Antiquity. Vol. 2. 1969. P. 107–144.
- Burkert W. Structure and history in greek mythology and ritual. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1982. 226 p.
- Rabadjiev K. Herakles Psychopompos (?) in Thrace (an Attempt at Superinterpretation) // Tracia. 1995. № 11. С. 419–426.
- Рабаджиев К. Херакъл, гръцката колонизация и Тракия // Thracia Antiqua. 1996. № 10. С. 122–137.
- Ильинская Л.С. Легенды и археология. Древнейшее Средиземноморье. М.: Наука, 1988. 176 с.
- Цымбурский В.Л. Гомеровский эпос и легендарная традиция Анатолии // Азия – диалог цивилизаций. СПб.: Гиперион, 1996. С. 241–325.
- Nilsson M.P. The Mycenaean Origin of Greek Mythology. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1972. 258 p.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: в 2-х тт. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. Т. 2. 900 с.
- Колобова К.М. Из истории раннегреческого общества (о Родос IX–VII вв. до н.э.). Л.: ЛГУ, 1951. 322 с.
- Блаватская Т.В. Греческое общество II тыс. до н.э. и его культура. М.: Наука, 1976.
- Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: Восточная литература, 1996. 328 с.
- Bekker I. Anecdota graeca. Berolini: G.C. Nauckium, 1814. Vol. I. 476 p.
- Hughes D.D. Human Sacrifice in Ancient Greece. London; New York: Routledge, 2013. 316 p.
- Burkert W. The Orientalizing revolution. Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1995. 226 p.
- Guía V. The Cult of Aglauros (and Aphrodite) in Athens and in Salamis of Cyprus: Reflections on the Origin of the Genos of the Salaminioid // Ancient West & East / Ed. G.R. Tsetskhladze. Leiden; Boston: Brill, 2005. Vol. 4. № 1. P. 57–76.
- Sandars N.K. The Sea peoples: Warriors of the Ancient Mediterranean. 1250–1150 BC. London: Thames and Hudson, 1985. 224 p.
- Briquel D. How to Fit Italy into Greek Myth? // The Peoples of Ancient Italy / Ed. G.D. Farney and G. Bradley. Boston, Berlin: De Gruyter, 2018. P. 11–25.
- Маяк И.Л. Рим первых царей: генезис римского полиса. М.: МГУ, 1983. 269 с.
- Lomas K. The Veneti // The Peoples of Ancient Italy / Ed. G.D. Farney and G. Bradley. Boston, Berlin: De Gruyter, 2018. P. 701–717.
- Цымбурский В.Л. Фракизмы в ономастике Этрурии и в ее пантеоне // Славянское и балканское языкознание: Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли / Отв. ред. И.А. Седакова, Т.В. Цивьян. М.: Индрик, 2003. С. 69–85.
- Yntema D. The Pre-Roman Peoples of Apulia (1000–100 BC) // The Peoples of Ancient Italy / Ed. G.D. Farney and G. Bradley. Boston, Berlin: De Gruyter, 2018. P. 337–367.
- Iacono F. The Archaeology of Late Bronze Age. Interaction and Mobility at the Gates of Europe. London, New York, Oxford: Bloomsbury, 2019. 286 p.

33. Čače S., Kirigin B. Archaeological evidence for the cult of Diomedes in the Adriatic // *Hesperia*. Vol. 9. 1998. P. 63–110.
34. Miše M., Šešelj L. Late Hellenistic and Early Roman Fine Pottery from sanctuaries of Diomedes in Dalmatia // *Rei Cretariae Romanae Fautores Acta*. Vol. 40. 2008. P. 113–119.
35. Castiglioni M.P. The Cult of Diomedes in the Adriatic: Complementary Contributions from Literary Sources and Archaeology // *Bridging the gaps* / Ed. J. Carvalho. Pisa, 2008. P. 9–28.
36. Cabanes P. Greek Colonisation in the Adriatic // *Greek Colonisation* / Ed. G. Tsetschlade. Leiden, Boston: Brill, 2008. Vol. II. P. 155–185.
37. Čače S., Šešelj L. Finds from the Diomedes' sanctuary on the cape Ploča: new contributions to the discussion about the Hellenistic period on the east Adriatic // *Illyrica Antiqua*. Zagreb, 2005. P. 163–186.
38. Isaac B.H. The Greek Settlements in Thrace Until the Macedonian Conquest. Leiden: Brill, 1986. 304 p.
39. Топоров В.Н. Еще раз о фракийском всаднике в балканской и индоевропейской перспективе // *Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения-I* / Ред. Н.В. Злыднева, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. С. 3–32.
40. Рабаджиев К. Херакъл (Херкулес) в тракийските провинции на Римската империя // *Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis*. Т. 5. 2015. С. 257–286.
41. Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л.: ЛГУ, 1988. 262 с.

## DIOMEDES OF THRACE, DIOMEDES OF ARGOS, AND THE THRACIAN CAMPAIGN OF HERACLES

*A.R. Podoprigora*

This article addresses the problem of formation and evolution of Diomedes' image in Greek mythology. An analysis of ancient tradition and archaeological sources shows that the images of Diomedes of Thrace and Diomedes of Argos, the hero of the Trojan War, had a common root. The author comes to conclusion that the Thracian king and the Argive hero are different variants of the development of the cult figure, which was once associated with the northeast of the Balkan peninsula and the horse cult, and the myth of Heracles's campaign in Thrace reflects the Greek colonization of the Thracian coast.

*Keywords:* Diomedes, Heracles, cult of horse, Thrace, Argos, Cyprus, «the Sea Peoples», Apulia, Veneti, Daunians.

### References

- Zahrnt M. Early History of Thrace to the Murder of Kotys I (360 bce) // *A companion of Ancient Thrace* / Ed. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. Chichester, Oxford: Wiley Blackwell, 2015. P. 35–47.
- Tiverios M. Greek Colonisation of Northern Aegean // *Greek Colonisation* / Ed. G. Tsetschlade. Leiden, Boston: Brill, 2008. Vol. II. P. 1–154.
- Damyantov M. The Greek Colonists // *A companion of Ancient Thrace* / Ed. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. Chichester, Oxford: Wiley Blackwell, 2015. P. 295–307.
- Kurtz D.C. The man-eating horses of Diomedes in poetry and painting // *JHS*. Vol. 95. 1975. P. 171–172.
- Rabadjiev K. Heracles, Diomedes and Thrace // *Archaeologia Bulgarica*. 2001. № 3. P. 9–21.
- Klejn L.S. *Anatomiya «Iliady»*. SPb.: SPbGU, 1998. 560 s.
- Bucherer F. *Die Diomedessage*. Stuttgart: Kohlhammer, 1892. 82 S.
- Studniczka F. *Kyrene, eine altgriechische Götting*. Leipzig: Brockhaus, 1890. 224 S.
- Wilamowitz-Moellendorff U. *Einleitung in die attische Tragödie (Euripides Herakles erklärt. Bd. 1)*. Berlin: Weidmann, 1889. 388 S.
- Fontenrose J. E. *Python: A Study of Delphic Myth and Its Origins*. New York: Biblo & Tannen Publishers, 1974. 616 p.
- Fontenrose J. *Daulis at Delphi* // *California Studies in Classical Antiquity*. Vol. 2. 1969. P. 107–144.
- Burkert W. *Structure and history in greek mythology and ritual*. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1982. 226 p.
- Rabadjiev K. Herakles Psychopompos (?) in Thrace (an Attempt at Superinterpretation) // *Tracia*. 1995. № 11. S. 419–426.
- Rabadjiev K. Herak"l, gr"ckata kolonizaciya i Trakiya // *Thracia Antiqua*. 1996. № 10. S. 122–137.
- Il'inskaya L.S. *Legendy i arheologiya. Drevnejshee Sredizemnomor'e*. M.: Nauka, 1988. 176 s.
- Cymburskij V.L. *Gomerovskij epos i legendarnaya tradiciya Anatolii* // *Aziya – dialog civilizacij*. SPb.: Giperion, 1996. S. 241–325.
- Nilsson M.P. *The Mycenaean Origin of Greek Mythology*. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1972. 258 p.
- Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V. *Indoevropskij yazyk i indoevropjcy: v 2-h tt*. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo un-ta, 1984. T. 2. 900 s.
- Kolobova K.M. *Iz istorii rannegrecheskogo obshchestva (o. Rodos IX–VII vv. do n.e.)*. L.: LGU, 1951. 322 s.
- Blavatskaya T.V. *Grecheskoe obshchestvo II tys. do n.e. i ego kul'tura*. M.: Nauka, 1976.
- Gindin L.A., Cymburskij V.L. *Gomer i istoriya Vostochnogo Sredizemnomor'ya*. M.: Vostochnaya literatura, 1996. 328 s.
- Bekker I. *Anecdota graeca*. Berolini: G.C. Nauckium, 1814. Vol. I. 476 p.
- Hughes D.D. *Human Sacrifice in Ancient Greece*. London; New York: Routledge, 2013. 316 p.
- Burkert W. *The Orientalizing revolution. Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1995. 226 p.

25. Guía V. The Cult of Aglauros (and Aphrodite) in Athens and in Salamis of Cyprus: Reflections on the Origin of the Genos of the Salaminioi // *Ancient West & East* / Ed. G.R. Tsatskheladze. Leiden; Boston: Brill, 2005. Vol. 4. № 1. P. 57–76.
26. Sandars N.K. The Sea peoples: Warriors of the Ancient Mediterranean. 1250-1150 BC. London: Thames and Hudson, 1985. 224 p.
27. Briquel D. How to Fit Italy into Greek Myth? // *The Peoples of Ancient Italy* / Ed. G.D. Farney and G. Bradley. Boston, Berlin: De Gruyter, 2018. P. 11–25.
28. Mayak I.L. Rim pervyh carej: genezis rimskogo polisa. M.: MGU, 1983. 269 s.
29. Lomas K. The Veneti // *The Peoples of Ancient Italy* / Ed. G.D. Farney and G. Bradley. Boston, Berlin: De Gruyter, 2018. P. 701–717.
30. Cymburskij V.L. Frakizmy v onomastike Etrurii i v ee panteone // *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Chelovek v prostranstve Balkan. Povedencheskie scenarii i kul'turnye roli* / Otv. red. I.A. Sedakova, T.V. Civ'yan. M.: Indrik, 2003. S. 69–85.
31. Yntema D. The Pre-Roman Peoples of Apulia (1000–100 BC) // *The Peoples of Ancient Italy* / Ed. G.D. Farney and G. Bradley. Boston, Berlin: De Gruyter, 2018. P. 337–367.
32. Iacono F. The Archaeology of Late Bronze Age. Interaction and Mobility at the Gates of Europe. London, New York, Oxford: Bloomsbury, 2019. 286 p.
33. Čače S., Kirigin B. Archaeological evidence for the cult of Diomedes in the Adriatic // *Hesperia*. Vol. 9. 1998. P. 63–110.
34. Miše M., Šešelj L. Late Hellenistic and Early Roman Fine Pottery from sanctuaries of Diomedes in Dalmatia // *Rei Cretariae Romanae Fautores Acta*. Vol. 40. 2008. P. 113–119.
35. Castiglioni M.P. The Cult of Diomedes in the Adriatic: Complementary Contributions from Literary Sources and Archaeology // *Bridging the gaps* / Ed. J. Carvalho. Pisa, 2008. P. 9–28.
36. Cabanes P. Greek Colonisation in the Adriatic // *Greek Colonisation* / Ed. G. Tsatskheladze. Leiden, Boston: Brill, 2008. Vol. II. P. 155–185.
37. Čače S., Šešelj L. Finds from the Diomedes' sanctuary on the cape Ploča: new contributions to the discussion about the Hellenistic period on the east Adriatic // *Illyrica Antiqua*. Zagreb, 2005. P. 163–186.
38. Isaac B.H. The Greek Settlements in Thrace Until the Macedonian Conquest. Leiden: Brill, 1986. 304 p.
39. Toporov V.N. Eshche raz o frakijskom vsadnike v balkanskoj i indoeuropejskoj perspektive // *Obraz mira v slove i rituale. Balkanske chteniya-I* / Red. N.V. Zlydneva, V.N. Toporov, T.V. Civ'yan. M.: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1992. S. 3–32.
40. Rabadzhev K. Herak"l (Herkules) v trakijските provincii na Rimskata imperii // *Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis*. T. 5. 2015. S. 257–286.
41. Otkupshchikov Yu.V. Dogrecheskij substrat. U istokov evropejskoj civilizacii. L.: LGU, 1988. 262 s.